

— Сто семьдесят семь, сто семьдесят восемь, сто семьдесят девять, сто восемьдесят! — Рагнар застонал, позволяя себе упасть вперед на холодные камни тренировочного двора. Не на песчаный карьер, который в данный момент использовался, а в сторону.

— Смотри-ка, на этот раз ты справился, — усмехнулся Вилкас, приподнимаясь и садясь рядом со стонущим мальчишкой, — Когда-нибудь ты станешь таким же сильным, как я.

Парень пробормотал что-то в пол, а затем медленно поднялся на ноги:

— Это нечестно, понимаешь? Я показал тебе, как это делается, я должен быть лучше тебя.

— А тебе все еще, сколько, четырнадцать?

Вилкас поднял бровь и наклонил голову, слегка приподняв губы.

— Все еще тринадцать, — проворчал Рагнар, оттолкнувшись от земли и наполовину споткнувшись, чтобы встать. Вилкас последовал за ним, легко поднялся на горящие ноги и зашагал вместе с парнем к их напиткам, сидящим за одним из столиков на открытом воздухе.

— А мне девятнадцать. Я набирался сил на целых шесть лет больше, чем ты.

Вилкас горестно покачал головой, потянулся за своей бутылкой и отпил из нее сладкого медового тепла:

— Ты швырнул Торвара на задницу на той неделе, и все у тебя в порядке.

— Торвар был пьян, — ворчливо заметил Рагнар, протягивая обе руки к своему огромному глиняному кувшину и поднося его к губам. В этом огромном кувшине не было ни унции медовухи, ни воды, а скорее галлон коровьего молока с одной из окрестных ферм Вайтрана.

Рагнар был, пожалуй, самым преданным любителем молока из всех, о ком когда-либо слышали в Соратниках. Один кувшин в день, если ему это удавалось. Поддразнивания начались сразу же, но стали стихать, когда Рагнар лишь посмеивался, продолжая пить молоко, как Торвар пьет медовуху или рыба — воду.

Вилкас не был уверен, смешно это или достойно уважения, но мало кто мог отговорить парня от его ежедневного кувшина. Трудно дразнить человека, который только кивал и говорил «ай-ап» всякий раз, когда его называли пьющим молоко.

Через несколько мгновений парень опустил кувшин, шмыгнул губами и уставился в пустоту. Вилкас ухмыльнулся, а потом сказал:

— Знаешь, мы должны называть тебя Ранняя Борода.

Рагнар нахмурил брови, раздумывая: —

...Как Хьялти?

Настал черед Вилкаса заморгать:

— Хьялти? — Имя показалось ему знакомым, но он никак не мог его вспомнить.

— То, что в Хайроке называют Талосом. Хьялти Раннебородый. Я слышал его от Хеймскра на центральной площади, — несколько пренебрежительно пояснил Рагнар, поднося кувшин к губам и делая еще один долгий глоток, после чего опускал его.

(Хьялти)

Вилкас покачал головой, закатив глаза:

— Бретонцы, — жалобно сказал он, получив утвердительный гул от бретонского мальчика рядом с собой. Каждый норд в Скайриме знал, что его зовут Талос Штормкраун, даже если в других землях имена путали.

— Так почему же Ранняя борода, если не это? — спросил Рагнар, не обращая внимания на то, что молоко оставляет следы на его усталых чертах.

Вилкас весело фыркнул:

— Ну... Скорее Раннебородый...

Он сделал глоток из своей бутылки, когда Рагнар поднес руку к его губам и отдернул ее для осмотра. Естественно, верхняя губа была покрыта тонким слоем молока.

— О нет, я быстро старею, а-а-а.

Рагнар использовал свой типичный плоский юмор, даже не притворяясь, что паникует:

— Скоро от меня останутся одни воспоминания, а со временем и они потускнеют.

— Похоже, ты расстроен, — с юмором в голосе ответил Вилкас, снова поднимая бокал к губам.

— Я пью молоко спокойствия, которое льется из лона Каина, — ровным тоном произнес Рагнар, подняв к небу кувшин с молоком.

Вилкас закашлялся, забился в припадке, колотя себя в грудь попеременно то от боли, то от смеха. Рагнар, безжалостный, продолжал без паузы.

— О великая мать мира! Жизнь, лишенная Света! Прими этого младенца в свои объятия в его последние часы, ибо тело его иссохло, и залы Шора наверняка не примут меня!

— Заткнись, мальчик!

Вилкас справился с кашлем и смехом, протянул руку и схватил мальчика за плечи. Лицо Рагнара в этот момент расплылось в легкой ухмылке.

— Заткнись, я требую этого!

— Обращайся со мной осторожно, о почтенный друг, моя плоть нежна от возраста, — ответил Рагнар, седые усы подчеркивали его шутку.

Вилкасу потребовалось немало мгновений, чтобы успокоиться. Но в конце концов его шутливое оцепенение нарушил крик, донесшийся от дверей Йоррваскра.

— Привет всем! С্কьор вернулся!

Хестла, дева-щитница, с ухмылкой на лице распахнула задние двери и заставила всех во дворе остановиться.

Вилкас сразу же забыл, над чем смеялся, вскинул голову и, ухватившись за плечи Рагнара, поднялся. Мальчик ненадолго споткнулся, когда Вилкас закричал в ответ.

— С্কьор вернулся?!

На его крик отозвалось еще с полдюжины голосов во дворе, и он быстро направился к дверям. Пройдя первым, Вилкас бросил взгляд на двери, распахнутые Торвальдом прямо напротив него, и на фигуру, которая шла через передний двор к ним.

Высокая, даже для норда, фигура, облаченная в тяжелые стальные пластины и черные меха. Голова полностью обнажена и лысая, скальп покрыт шрамами, заметными даже с такого расстояния. В одной руке он держал круглый щит из дубленой кожи, а другая рука была поднята вверх, чтобы удерживать на плечах воинскую поклажу.

(Скьор)

Огромный труп саблезубой кошки, больше любого человека, возвышался над широкими плечами одноглазого.

— Вижу, охота прошла удачно! — отозвался Торвальд от дальней двери.

— Охота прошла как по маслу, — донесся до него измученный голос одноглазого, отчетливо слышимый на любом расстоянии, — Четыре месяца, чтобы найти этого ублюдка.

— А почему так долго? — спросил Торвальд, отступая в сторону и позволяя мужчине пройти в дверной проем, а сам приспособился, чтобы пропустить через арку огромного зверя, которого он нес на плечах.

— Ублюдок съел мага и его волшебное кольцо, — с рычанием ответил кот-убийца, подбрасывая небольшой сверкающий предмет в сторону Торвальда, который поймал его любопытным взглядом, — И сделал его бесследным.

Торвальду потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, куда делось кольцо, и он с отвращением выронил его и отпрянул назад, отчего на обветренном лице вернувшегося воина появилась улыбка.

— Скьор! — с ухмылкой позвал Вилкас, — Вижу, ты еще жив.

— Вилкас, я вижу, ты все еще сопляк, а где твой брат?

Скьор отшвырнул труп саблезубого кота в сторону, отчего по полу и по его ногам пронесся гулкий стук и вибрация. Это был невероятный экземпляр, в два раза крупнее любого другого саблезуба, которого Вилкас когда-либо видел, с мехом, потемневшим от возраста и непрерывного рысканья.

У поваров будет чертовски много времени, чтобы разделать этот труп.

— Наверное, дремлет. Пока тебя не было, у нас появился новый член, — отозвался Вилкас, не обращая внимания на небольшую толпу других Соратников, которые начали протискиваться мимо него, чтобы поприветствовать своего самого сильного члена.

Конечно, он не был уверен, что Скьор услышал его под нарастающей лавиной приветствий и похвал от других Соратников, спешащих в главный зал.

Вилкас ухмыльнулся:

— Скоро он все расскажет Скьору.

Рагнар стоял рядом с ним, нахмутив брови, и снова подносил кувшин к губам, наблюдая за разыгрывающейся перед ним сценой.

— Собираешься и дальше пить молоко перед Скьором?

Вилкас нахмурил брови и бросил взгляд в сторону младшего мальчика.

— На вкус оно неплохое.

Рагнар звучал явно невозмутимо.

<http://tl.rulate.ru/book/121829/5113671>